

БАРСКАЯ ОКОЛИЧНАЯ ШЛЯХТА ДО К. XVIII В.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Къ числу весьма любопытныхъ уголковъ нашего края принадлежитъ бывшее барское староство, расположенное на водораздѣлѣ Буга и Днѣстра, въ сѣверной части нынѣшней Подольской губерніи. Своеобразныя особенности его прошлаго и настоящаго привлекаютъ къ нему вниманіе изслѣдователя, тѣмъ болѣе, что особенности эти не только сами по себѣ любопытны, но дадутъ подъ часъ матеріалъ для изученія болѣе общихъ явленій мѣстной исторіи, нѣкоторыхъ весьма важныхъ и сложныхъ вопросовъ мѣстнаго общественнаго строя.

Любопытная исторія этого староства. Впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій оно было порубежнымъ со степью. Баръ долгое время служилъ однимъ изъ важнѣйшихъ опорныхъ базисовъ и игралъ важную роль въ исторіи обороны и вмѣстѣ колонизаціи того края. Въ связи съ такою ролью Бара стоитъ и значеніе его въ исторіи козачества: какъ извѣстно, это было одно изъ старѣйшихъ козачьихъ гнѣздъ; здѣсь, на ряду съ нѣкоторыми другими окраинными староствами, получило оно первоначальную свою организацію. Позже мы находимъ здѣсь служилую шляхту, аналогичную въ значительной степени съ казаками. Организація этого шляхетскаго населенія также имѣетъ сходныя черты съ козачьею организаціею: вся шляхта составляла въ совокупности „барскій полкъ“, съ полковникомъ во

главѣ, съ прочими военными чинами. Изученіе исторіи и общественнаго строя староства, мнѣ кажется, можетъ дать немало данныхъ для выясненія генезиса козачества и его первоначальнаго строя.

Довольно рано—сеймовымъ постановленіемъ 1659 г., Барское староство было обращено въ наследственную собственность гетмана. Ив. Выговскаго (это дѣдицтво Выговскаго составляетъ тоже одну изъ интересныхъ страницъ въ исторіи Барскаго староства); потомъ староство переходило изъ рукъ въ руки и наконецъ закрѣпилось за князьями Любомирскими, во владѣніи которыхъ оставалось почти цѣлое столѣтіе. Въ силу этого создано соединеніе элементовъ государственныхъ и частноправныхъ въ организаціи староства, особенно любопытное потому, что подѣ властью староства, подѣ его присудомъ находилось многочисленное, упомянутое выше, шляхетское населеніе, околичная шляхта, обязанная различными повинностями на замокъ. Такая судьба староства весьма сильно отразилась на положеніи ея. Сохранивъ за собою шляхетскія права, эта шляхта *de facto* низведена была на степень низшую даже той, на которой стояло русско-литовское боярство; въ сущности небольшое демаркаціонное пространство отдѣляло ее отъ крестьянскаго населенія старостинскихъ селъ. Весьма интересно прослѣдить это подчиненіе шляхты старостами-дѣдичами и превращеніе ея въ тяглое населеніе. Въ старостинскомъ управленіи, кромѣ обычнаго смѣшенія функцій административныхъ и хозяйственныхъ, есть также своеобразныя особенности, благодаря присутствію этого военно-шляхетскаго элемента; своеобразно также устройство шляхетскихъ селъ—околицъ, съ намѣстниками во главѣ, съ общимъ собраніемъ шляхтичей—шляхетскимъ коломъ.

Интересна сама по себѣ эта барская околичная шляхта (такъ называется она съ XVI в.)¹. Обыкновенно у насъ съ именемъ правобережнаго дворянина, шляхтича, особенно вре-

¹ Люстрація Барскаго староства 1565 г.—въ Архивѣ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, стр. 232.

мени послѣ козачьихъ войнъ, связывается представленіе о чемъ-то польскомъ, рѣзко отграниченномъ, отчужденномъ отъ народной массы, враждебномъ ей. Околичная шляхта въ значительной стечени не подходитъ подъ это обычное представленіе.—Укажу на обследованную въ наукѣ съ этой стороны овруцкую околичную шляхту¹⁾; подобно ей, и барскій шляхтичъ до конца Речи Посполитой сохраняетъ туземный, южнорусскій обликъ и стоитъ близко къ народной массѣ. Здѣсь мы можемъ наблюдать встрѣчу польскаго и туземнаго элементовъ, пришлой и туземной культуръ, ихъ борьбу и амальгамировку.

Я намѣтилъ нѣкоторые лишь вопросы исторіи и общественнаго строя Барскаго староства; было бы долго перечислять всѣ интересныя особенности, любопытныя данныя, сообщаемыя барскими актами. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ едва намѣчены, нѣкоторые совершенно неизвѣстны въ наукѣ. Можно пожалѣть только, что главный и обильнѣйшій источникъ для изслѣдованія ихъ—книги Барской юрисдикціи—мы имѣемъ всего лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ прошлаго столѣтія; въ особенности для изученія быта это источникъ незамѣнимый. Данныя другихъ источниковъ, каковы книги летичевскія, книги барскаго магистрата, процессы о правѣ владѣнія землями Барскаго староства и т. п. лишь до нѣкоторой степени восполняютъ этотъ недостатокъ.

Въ непродолжительномъ времени я постараюсь опубликовать наиболѣе интересные матеріалы о Барскомъ староствѣ, его устройствѣ и бытѣ, равно какъ и изслѣдованіе по этимъ вопросамъ, а въ настоящее время позволю себѣ предложить одинъ изъ эпизодовъ, именно—этнографическія данныя о барской околичной шляхтѣ.

II.

Этнографическая основа барской шляхты была несомнѣнно туземная. Я не буду здѣсь забираться во мракъ древнѣйшихъ

¹⁾ Акты объ овруцкой околичной шляхтѣ издавы проф. В. Б. Антоновичемъ въ IV части I томѣ Архива Юго-Западной Россіи, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о ней.

временъ и тревожить разныхъ тиверцевъ и болоховцевъ и иныхъ *scutes interpretatorum* русской исторіи. Обстоятельныя и связныя свѣдѣнія о занимающей насъ территоріи идутъ съ XVI в., когда разоренный татарами Ровъ (такое было первоначальное имя нынѣшняго Бары), съ окрестною территоріею, былъ въ 1537 г. отданъ Сигизмундомъ Старымъ королевъ Бонѣ, и когда, благодаря попеченіямъ новой владѣлицы, были приняты дѣятельныя и, по тому времени, серьезныя мѣры къ расширенію и укрѣпленію колонизаціи. Отъ второй половины XVI и начала XVII в. сохранилось нѣсколько люстрацій Барскаго староства, которыя сообщаютъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія относительно этнографическаго состава населенія и шляхты въ частности. На основаніи данныхъ люстраціи 1565 г. новѣйшій изслѣдователь тоговременной колонизаціи проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ пришелъ къ заключенію, что туземный элементъ въ Барскомъ староствѣ составлялъ свыше 90% сельскаго населенія и около 80% всего вообще населенія староства. Туземцы составляютъ главную массу въ средѣ мѣстной шляхты; иноплеменные элементы не значительны¹⁾. Въ началѣ XVII в., судя по люстраціи 1615—6 г., среди мѣстной шляхты было также много туземныхъ родовъ (хотя польскій элементъ уже значительно усилился); наиболѣе многочисленные роды, составившіе основное ядро околичной шляхты, были туземные²⁾. Туземное ядро это продолжало держаться весьма устойчиво и позже, несмотря на передраги, постигавшія Барское староство—во время козачины и турецкой оккупаціи.

Къ этой туземной основѣ примѣшивались разновременно, въ значительномъ количествѣ, разные иноплеменные элементы (въ этомъ отношеніи барская околичная шляхта значительно отличается отъ овруцкой, куда иноплеменная стихія проникаетъ очень мало). Самымъ многочисленнымъ ингредиентомъ былъ, несомнѣнно, польскій, особенно приходившій сюда въ большомъ числѣ въ видѣ посессоровъ, заставниковъ, покупателейъ земли

¹⁾ Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской уніи (предисловіе къ ч. VII, т. I Архива Ю.-З. Россіи), стр. 194—195.

²⁾ Люстрація 1615—6 г. въ *Źródła dziejowe* t. V p. 24 squ.

и т. д. Весьма замѣтенъ, особенно въ XVIII в., элементъ во-лошскій—разные Бенескулы, Маймескулы, Дыдыскулы и т. д. Проникаль, хотя въ меньшей степени, элементъ южнославянскій, татарскій (какъ извѣстно, при королевѣ Бонѣ здѣсь была устроена цѣлая колонія татаръ-чемерисовъ) и т. п. Однако эти ино-племенные насельники, въ суммѣ довольно многочисленныя, весьма успѣшно претворялись и ассимилировались туземною основою, и въ половинѣ XVIII в., когда мы имѣемъ очень обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о бытѣ барской околичной шляхты, благодаря упомянутымъ выше актовымъ книгамъ барской юрисдикціи, шляхта наша въ массѣ имѣетъ очень полно и опредѣленно выраженный туземный обликъ.

Я обращаюсь теперь къ даннымъ этихъ актовыхъ книгъ барской юрисдикціи. Въ это время—т. е. въ половинѣ XVIII в.—околичная шляхта занимала 12 селъ барскаго староства: Елтухи (Евтухи), Галузинцы, Волковинцы, Радзеевцы (Радыевцы), Васютинцы, Петрани, Лопатинцы, Коростовцы, Сербиновцы, Степанковцы, Поповцы, Гальчинцы и Будни; села эти находятся вокругъ г. Бара, въ смежныхъ частяхъ нынѣшнихъ уѣздовъ литинскаго, летичевскаго и могилевскаго, подольской губерніи.

По переписи шляхетскихъ околицъ 1739 г. число околичной шляхты на дѣдичномъ правѣ, мужескаго пола, простиралось до 230, да прыймаковъ или зятьевъ (zięci), посессоровъ, заставниковъ и разныхъ прихожихъ людей (luźni, przybyszy), жившихъ по большей части въ сходныхъ же условіяхъ, было до 180; при этомъ нужно замѣтить, что неотдѣленные сыновья обыкновенно въ реестръ не вносились. Это шляхетское поселеніе распредѣлялось между отдѣльными околицами весьма неравномѣрно: если въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ на примѣръ, въ Петраняхъ, Гальчинцахъ, Сербиновцахъ, мы находимъ всего по нѣскольکو шляхетскихъ семействъ, то шляхетское населеніе такихъ околицъ, какъ Волковинцы, Поповцы, Радзеевцы, Галузинцы, считалось десятками ¹⁾.

¹⁾ Перепись 1739 г. въ книгѣ барскаго замка кіевского центрального архива № 5683 л. 91 сл.; въ дальнѣйшихъ ссылкахъ указаны номера актовыхъ книгъ также кіевского центрального архива.

III.

Первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ нашею околичною шляхтою, это ея фамилныя прозвища и имена.— Они очень характеристичны. Огромное большинство шляхтичей-туземцевъ носили фамилии, тождественныя съ именемъ своего села: такъ, въ Радзеевцахъ жили, главнымъ образомъ, Радзеевскіе, въ Елтухахъ—Елтуховскіе, въ Коростовцахъ—Коростовскіе. Это впрочемъ не были только мѣстныя названія, а настояція фамилии: какой-нибудь Радзеевскій, переселяясь, скажемъ, въ Волковинцы, продолжалъ именоваться Радзеевскимъ, а не Волковинскимъ. Затѣмъ эти фамилии—иногда очень многолюдныя—распадались на подфамилии, вѣтви, семьи, которыя различались между собою патронимическими именами и прозвищами, которыя переходили часто изъ поколѣнія въ поколѣніе; патронимики всегда имѣютъ туземную форму—на *енко*; прозвища также иногда очень типичны: Шмиль, Гуць, Гава, Крымець, Снигуръ, Бацюра и т. п. Такимъ образомъ были, напри- мѣръ, Гавы—Радзеевскіе, Рябченки—Волковинскіе, Касьяненки—Галузинскіе, Скорописы—Елтуховскіе, Мазепы—Васютинскіе, Пантенки—Поповскіе. Отъ совпаденія прозвища съ патронимикою, или патронимики отца съ патронимикою дѣда получались двойныя *согнопіна*—напр. Карпченки—Тарасы—Волковинскіе, Іозепенки—Петренки—Радзеевскіе, Кобченки—Мордасы—Поповскіе. Подобное явленіе замѣчается и у овруцкой околичной шляхты.

Что касается именъ, то они не всегда доходятъ до насъ въ своей настоящей формѣ. Акты велись на оффиціальному польскомъ языкѣ, и, вѣроятно, очень часто писарь, болѣе свѣдущій въ шляхетскомъ хорошемъ тонѣ, передавалъ народныя имена въ польской формѣ, превращая какого-нибудь Грицька въ Гржегоржа, а Лаврина въ Вавженца. Однако и въ актовыхъ книгахъ имена иногда сохраняли свой настоящій видъ, особенно привилегією пользовались въ этомъ отношеніи дамы. Затѣмъ непополнированныя формы именъ встрѣчаются также въ метрическихъ книгахъ (я пересмотрѣлъ метрики одной изъ околицъ—Поповецкой). Конечно, ни у кого не возникнетъ сомнѣній отно-

сительно народности пана Леська Соломки—Волковинского или Оныска Гаврышенка—Елтуховскаго, или пани Матроны зъ Ко-черговъ Гнетимуковой—Радзеевской или пани Палажки Васю-тинской ¹⁾ имена слишкомъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Можно съ увѣренностью утверждать, что обычнымъ языкомъ нашей шляхты былъ малорусскій. Малорусскія фразы очень часто проскакиваютъ въ актахъ, и если обыкновенно въ актахъ шляхтичи разговариваютъ по польски, то этимъ они, правдоподобно, обязаны главнымъ образомъ, тому же „писарю шляхетскому“. Я укажу на одинъ любопытный примѣръ: онъ касается нѣкоего Сѣчинскаго; это была семья, тянувшая къ мѣстной аристократіи и потому больше подвергнувшаяся польскому влиянію. Отецъ нашего Сѣчинскаго былъ поручикомъ Барскаго полка, а самъ онъ былъ нѣкоторое время намѣстникомъ въ с. Галузинцахъ; онъ посѣщалъ барскій костель, и двое братьевъ его были даже ксендзами. Такъ вотъ зять этого Сѣчинскаго, тоже принадлежащій къ мѣстной аристократіи—нѣкій Ляховецкій—жалуется на разныя обиды отъ своего шурина и между прочимъ представляетъ его разговаривающимъ съ женою по малорусски: Сѣчинскій собирается устроить ночью засаду на своего зятя и убить его, „а тою насикою буду быты, тай убью, и никто не буде знаты“, говоритъ онъ ²⁾. Между тѣмъ, повторяю, это былъ одинъ изъ наиболѣе полонизованныхъ субъектовъ.

Въ дѣлѣ вѣры наша шляхта, въ весьма значительной по крайней мѣрѣ степени, была тоже солидарна съ туземнымъ населеніемъ. Въ половинѣ XVIII в. шляхта, какъ и все вообще подольское населеніе, въ большинствѣ принадлежала оффиціально къ греко-уніатскому обряду. Какъ извѣстно, унія, благо-

¹⁾ Кв. № 5685 л. 97, № 5686 л. 28, 39, № 5692 л. 99.

²⁾ Кв. № 5694 л. 118. Начало словъ въ документѣ передано по польски: *ja kiedys w nosy, jak Lachowecki będzie szedł od matki. usmarowawszysię zasięde na niego, żeby mnie nie rozpał*—очевидно писарь началъ было переводить слова Сѣчинскаго по польски, но въ концѣ концовъ перешелъ на малорусскій языкъ, между прочимъ *usmarowawszysię* онъ переправилъ изъ *uszarowawszysię*. Въ дѣйствительности, вѣроятно, рѣчь гласила приблизительно такъ: „я колысь въ ночи, якъ Ляховецкый буде йти одъ матки, зашмаровавшись засаду на него, щобъ мене не познавъ“.

даря весьма ловкимъ и искуснымъ маневрамъ правящихъ сферъ, въ началѣ XVIII в. была официально введена на Подоліи; тѣмъ не менѣе продолжалась противъ нея глухая, болѣе пассивная, чѣмъ активная, борьба населенія въ пользу „благочестія“, а съ другой стороны—скоро послѣ введенія своего уніа перестала удовлетворять католиковъ и изъ покровительствуемой перешла въ положеніе презираемой и гонимой; подобно тому какъ раньше православіе, уніа стала вѣрою хлопскою, вѣрою русскою, сообразно извѣстному афоризму, что Богъ сотворилъ попа для хлопа, а плебана для пана¹⁾. Что до шляхты, то въ это время уніатовъ среди нея почти не существовало, шляхтичи изъ православія обыкновенно переходили прямо въ католичество. При такихъ условіяхъ принадлежность барской околичной шляхты къ греко-уніатскому обряду, а не къ католичеству, свидѣтельствуетъ о весьма значительной жизненности и устойчивости въ ней туземной, національной стихіи.

Какъ сказано, въ половинѣ XVIII в. (свѣдѣнія наши идутъ съ 1730 г. до 1780-хъ годовъ) огромное большинство околичныхъ шляхтичей принадлежало къ уніи. Католики составляли меньшинство, да и тѣ не всегда были особенно яркими католиками, часто посѣщали одинаково церковь и костель и дѣлали пожертвованія на тѣ и другія. Въ списокѣ обращенныхъ изъ уніи въ католичество съ 1758 по 1765 г. изъ 58 душъ, которыя приходятся на барскій деканатъ, всего около десятка найдется барскихъ околичныхъ шляхтичей²⁾. Изъ метрическихъ книгъ поповецкаго прихода видно, что мѣстная шляхта, за однимъ—двумя исключеніями, крестила дѣтей по греко-уніатскому обряду³⁾. Въ актахъ часто встрѣчаются упоминанія о посѣщеніи шляхтичами мѣстныхъ церквей, какъ о явленіи постоянномъ и обычномъ. На годовые кануны собиралось поголовно шляхетское населеніе даже изъ сосѣднихъ сель⁴⁾. Въ завѣщаніяхъ отказываются деньги на мѣстныя церкви и причтъ, на

¹⁾ Монографіи В. Б. Антоновича I с. 311 сл., 326 сл., 336 сл.

²⁾ Архивъ юго-запад. Россіи ч. I т. IV, с. 574—5.

³⁾ Книга № 5534, passim.

⁴⁾ Кн. № 5689 л. 42.

заупокойныя обѣды и на устройство поминальныхъ обѣдовъ ¹⁾. Шляхтичи дѣлали сообща пожертвованія на украшеніе церкви, приобрѣтеніе тѣхъ или другихъ вещей, на церковь же жертвовались деньги, собираемыя колядниками ²⁾. Къ штрафамъ въ пользу мѣстной церкви приговаривалъ урядъ за нѣкоторыя преступленія противъ нравственности. Обычнымъ наказаніемъ для провинившихся женщинъ и несовершеннолѣтнихъ — было лежать крыжемъ въ мѣстной церкви при народѣ, въ продолженіе одной или нѣсколькихъ праздничныхъ службъ; въ одномъ случаѣ провинившійся шляхтичъ присужденъ стоять въ церкви, во все время богослуженія, съ обнаженною саблею ³⁾.

Шляхетское населеніе принимало также дѣятельное участіе въ мѣстныхъ приходскихъ дѣлахъ. Въ околичныхъ селахъ существовали церковныя братства — они упоминаются, напримѣръ, въ Галузинцахъ, Радзеевцахъ, Степанкахъ; въ пользу ихъ также встрѣчаются пожертвованія въ шляхетскихъ завѣщаніяхъ ⁴⁾. Общимъ совѣтомъ всего села, всего шляхетскаго кола, избирали кандидатовъ на священническую вакансію и отряжали „сполнымъ коштомъ“ выборныхъ хлопотать о презентѣ и утвержденіи духовнымъ начальствомъ желательнаго кандидата ⁵⁾. На храмовые праздники также всѣмъ коломъ назначали выборныхъ варить и продавать канунный медъ, причемъ вырученныя деньги поступали на церковныя украшенія ⁶⁾.

Въ числѣ мѣстныхъ священниковъ встрѣчаются и околичныя шляхтичи ⁷⁾. Изъ метрическихъ записей видно, что шляхта охотно „кумалась“ съ приходскимъ причтомъ ⁸⁾. Къ посредничеству священника прибѣгали во взаимныхъ распряхъ ⁹⁾.

¹⁾ Кн. № 5685 л. 105 об., № 5688 л. 69, № 5689 л. 34, № 5696 л. 47 об. и др.

²⁾ Кн. № 5692 л. 28, 65, № 5695 л. 1295.

³⁾ Кн. № 5685 л. 42, 50, 116 об.; № 5688 л. 10, 39 и др.; № 5685 л. 146.

⁴⁾ Кн. № 5688 л. 76, 5694 л. 51, 5699 л. 34.

⁵⁾ Кн. № 5688 л. 25.

⁶⁾ Кн. № 5684 л. 5 об., также л. 30 об.

⁷⁾ Кн. № 5684 л. 88, 5694 л. 51.

⁸⁾ Кн. № 5692 л. 140.

⁹⁾ Кн. № 5534, 5536 passim.

Словомъ, церковь занимала очень видное мѣсто въ жизни шляхетской околицы. Что при этомъ на свою церковь шляхта смотрѣла какъ на своенародную, „греческую“, что она не чувствовала симпатій къ латинству и иногда рѣзко противилась его распространенію,—довольно ясно свидѣтельствуютъ два эпизода изъ барскихъ актовыхъ книгъ, а именно; проявленія такого протеста, хотя въ грубыхъ, мало культурныхъ формахъ. Въ одномъ случаѣ имѣемъ жалобу шляхтичей Будкевичей (фамилія, не принадлежавшая къ числу исконныхъ мѣстныхъ родовъ) на нѣкого шляхтича Юркевича, что онъ въ пьяномъ видѣ вломился въ ихъ домъ, разбилъ гипсовое изображеніе Христа, попробовалъ кіемъ бумажные образа и укорялъ хозяйку (хозяина дома не было), что она держитъ у себя латинскія изображенія: „ляховко, ляцкіи образы маешъ“ ¹⁾. Въ другомъ случаѣ священникъ с. Коростовець Михаилъ Людкевичъ жалуется на мѣстныхъ помѣщиковъ коростовскихъ за разные обиды и безчестья. По собственному признанію, священникъ этотъ при своемъ посвященіи обязался архіепископу строго держаться латино-уніатскихъ догматическихъ и обрядовыхъ особенностей, но встрѣтилъ отпоръ. По его разсказу, немедленно Иванъ Коростовскій сталъ попрекать его за то, что онъ поминаетъ на ектеніи не патріарха, а папу (*ty pop łacki, nie tak odprawujesz służbę, jak starzi popi, za rzymskiego papę, a nie za patryarchę Boha prosisz*), а пріятель его, нѣкто Лавринъ Немишъ, придя въ церковь, приказывалъ дяку читать о св. Духѣ не „отъ Отца и Сына исходящій“, какъ требовалъ новый священникъ, а „отъ Отца исходящій, а на Сынѣ спочивающій“. Результатомъ этихъ несогласій были разные попреки и даже побои священнику, и Коростовскій предлагалъ взять презенту на священничество вышеупомянутому пріятелю своему Лаврину Немишу ²⁾.

Обращаясь къ быту нашей шляхты, мы и здѣсь—въ обрядахъ, обычаяхъ, возрѣвнiяхъ—находимъ много своенароднаго. Я уже упомянулъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ церковнаго характера,

¹⁾ Кн. № 5690 л. 24 об.

²⁾ Кн. № 5689 л. 73.

какъ поминальные обѣды, канунные меды, складчины на церковныя украшенія. На Рождество отправлялись колядки ¹⁾. На Пасху обходили почтенныхъ родственниковъ съ поздравленіемъ и „паскою“ ²⁾. Свадебные обычаи имѣли характеръ во многомъ чисто народный; между прочимъ мы имѣемъ жалобу, въ которой отецъ невесты, нѣкто Зарусицкій, жалуется на Скорописа Елтуховскаго, что тотъ во время отправленія „весилля“, на стыдъ ему вмѣсто обычной „червоной хоруговки“, według tuteyszego zwyczajū, повѣсилъ передъ его воротами „червоную онучку“—здѣсь указывается, очевидно, на церемонію вывѣшиванія красныхъ поясовъ на свадьбѣ, существующую понынѣ ³⁾. По праздникамъ молодежь развлекалась, собиравсь танцовать „на музыку“ у корчмы, какъ и понынѣ это ведется ⁴⁾. Для замужней женщины большимъ позоромъ считалось „свитыть волоссямъ“, и мы встрѣчаемъ не мало процессовъ по поводу того, что тотъ или другой сорвалъ намитку (такъ она иногда и называется въ актахъ) съ шляхтянки и опростоволосилъ ее ⁵⁾. Кое что своенародное можно было бы указать и въ другихъ приемахъ и понятіяхъ о безчестіи, но объ этомъ не совѣмъ удобно распространяться.

IV.

Такая живость и устойчивость своенародной, туземной стихіи въ жизни барской околичной шляхты объясняется съ одной стороны тѣмъ, что ядро ея, какъ указано было выше, состояло изъ туземцевъ, съ другой стороны—тѣмъ также, что народная, крестьянская стихія постоянно проникала въ ряды шляхты. Этотъ процессъ обновленія состава шляхты элементами простонародными, мѣстными и прихожими, и проникновенія въ ряды ея лицъ не шляхетскаго происхожденія очень интересенъ, и его

¹⁾ Кн. № 5696 л. 77 об., № 5693 л. 8 (№ 5699 л. 2).

²⁾ Кн. № 5690 л. 14.

³⁾ Кн. № 5689 л. 69.

⁴⁾ Кн. № 5691 л. 117.

⁵⁾ Напр. кн. № 5688 л. 213, кн. № 5689 л. 75, кн. № 5692 л. 81, 91 об. и др.

можно очень ясно прослѣдить по документальнымъ даннымъ; я ограничусь здѣсь краткими указаніями. Происходилъ онъ больше всего путемъ смѣшанныхъ браковъ; случаи выхода крестьянокъ за шляхтичей и шляхтянокъ за крестьянъ встрѣчаются не рѣдко¹⁾. При этомъ не только зятя *prostej konducji*, попавъ „въ пріймы“, незамѣтно протискивались въ ряды шляхты, но это случалось и съ пасынками—крестьянами, которые такимъ образомъ полагали начало новымъ околичнымъ родамъ, чисто народнымъ, не имѣвшимъ въ себѣ ни капли шляхетской крови (таковы были, на примѣръ, Туренки, Гавы Радзеевскіе²⁾). Проходили въ ряды шляхты не-шляхтичи также посредствомъ покупки или аренды грунтовъ въ шляхетскихъ околицахъ и т. п.

Этими путями не-шляхетскіе элементы проникали въ ряды шляхты въ весьма широкихъ размѣрахъ. На присутствіе ихъ между прочимъ указываютъ процессы о незаконномъ присвоеніи дворянства—*zadania imparitatis, nierówności* въ огромномъ количествѣ встрѣчающіеся въ барскихъ актовыхъ книгахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что дѣла эти поднимались то въ видѣ встрѣчныхъ исковъ противъ поднятыхъ обвиненій, то имѣли цѣлью отклонить пригизанія на имущество, на наслѣдство. Безъ этого люди „простой кондиціи“ спокойно сидѣли на шляхетскихъ грунтахъ, именовали себя урожоними и пользовались привилегіями шляхетскаго званія—околичныя шляхтичи не были особенно ревнивы въ этомъ отношеніи. Но и поднятыя дѣла о „неровности“ рѣдко приходили къ удовлетворительному результату, насколько можно судить по актовымъ даннымъ; въ большинствѣ случаевъ эти не легальные шляхтичи такъ и оставались при своемъ шляхетствѣ *de facto*.

V.

Если шляхетская масса въ общемъ очень устойчиво хранила своенародныя особенности, то нельзя все же сказать, чтобы она вовсе оставалась нечувствительной къ польскому культур-

¹⁾ См. напр. кн. № 5688 л. 106, 5690 л. 123 об. и др.

²⁾ Кн. № 5691 л. 75, № 5692 л. 19.

ному вліянню, тѣмъ болѣе, что послѣднее имѣло весьма удобныя и широкіе пути для своего проникновенія. Проводила его непосредственно въ шляхетскую среду многочисленная польская или ополяченная шляхта, являвшаяся въ околицы въ видѣ посессоровъ, заставниковъ и т. п. Проводили его околичныя шляхтичи, служившіе въ польскихъ войскахъ, что бывало нерѣдко. Вліяли чиновники мѣстной администраціи—„зверхность замковая“. Вліяли наконецъ самыя юридическія формы, сословныя рамки, въ которыя введено было шляхетство.

Я не буду распространяться объ этомъ; замѣчу, что польское культурное вліяніе было въ общемъ довольно поверхностно, и проявленія его въ быту нашей шляхты зачастую мало симпатичны. Сюда относится проявляющееся иногда желаніе прихвастнуть, поведичаться своимъ шляхетскимъ достоинствомъ предъ хлопомъ, въ родѣ того, что какой-нибудь околичный шляхтичъ, очевидно ощущая зудъ въ своихъ панскихъ кулакахъ, пристаётъ къ крестьянину съ вопросами, кто изъ нихъ двухъ „старшій и лѣпшій?“¹⁾). Изъ этого источника истекали высокопарныя фразы о гонорѣ шляхетскомъ, фразы, въ особенномъ обилии, въ качествѣ *ratio ad hominem*, высыпавшіяся въ жалобахъ по поводу какой-нибудь потасовки, заданной въ корчмѣ за порціей водки. Отсюда заимствовались quasi галантныя манеры, которыми щеголяли околичныя кавалеры въ своихъ „*konkurencjach o przyيازі*“ мѣстныхъ „дамъ“. Пересаженная на околичную почву эта польская галантерея проявлялась подчасъ въ весьма грубыхъ или комичныхъ формахъ и обстановкѣ, въ родѣ жалобъ на расходы, понесенные во время „конкуренцій“ и приготовленій къ несостоявшейся свадьбѣ, или въ родѣ того эпизода, о которомъ рассказываетъ нѣкій Кариченко-Волковинскій, въ своей жалобѣ: на свадьбѣ онъ былъ запрошенъ во время танцевъ (*w drugą rękę*) однимъ изъ гостей и, „взявъ панну“, направлялся *w koło taneczne*, но въ это время налетѣлъ на него его недругъ, одинъ изъ Гаврышенковъ Волковинскихъ, *panne z rąk wydarł u w taniec iść nie dopuścił, u,*

¹⁾ Кн. № 5689, л. 64.

w gębie uderzywszy, za łeb pochwycił y bił do upodobania ¹⁾).

Къ подобнымъ уже проявленіямъ этой quasi цивилизаціи относится любопытный процессъ по поводу пасквиля, составленнаго нѣкимъ шляхтичемъ Вольскимъ, на всѣхъ дамъ, такъ мѣзатекъ jako і panien, села Галузинець ²⁾). Этотъ „пашквиль“ вызвалъ, конечно, противъ автора всеобщее раздраженіе; въ добавокъ сей околичный сатирикъ, придя—непрошенный—въ одно собраніе мѣстнаго общества, на пасхальныхъ святкахъ, имѣлъ неосторожность завести разговоръ на ту же тему: „dziś u mnie wszystkie panny z wizytą byli“, а когда у него спросили о причинѣ такихъ странныхъ визитовъ, отвѣчалъ: gdyż mam wszystkie na rejestrze. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, освѣдомившись, что и ихъ родственницы влючены въ „regestr amogów“ п. Вольскаго, учинили сему околичному ловеласу жестокую потасовку, а затѣмъ все шляхетское коло околицы, съ намѣстникомъ во главѣ, занесло на него жалобу замковой „зверхности“ ³⁾).

Эти приемы околичнаго обхожденія напоминаютъ одну шуточную пѣсенку, на ломаномъ польскомъ языкѣ (нѣсколько напоминающемъ языкъ нѣкоторыхъ барскихъ актовъ), записанную въ этой же средѣ и изображающую такого околичнаго cavalier galant:

Pojechał do miasta
Do krasnej kramnicy, -
Kupił koperwasu,
Naszmarował licy.
Naszmarował dziegiem boty
I pojechał na zaloty—
Kijaszek u renku,
Pó zubam panienku.

¹⁾ Кн. № 5696 л. 67.

²⁾ Это замѣчательное произведеніе состояло всего изъ двухъ стиховъ:

Ominawszy wszystkie domy, tudziesz jatki—
Jakie panny murwy, takiesz i męzatki.

³⁾ Кн. 5694, л. 67 и 69.

VI.

Но это польское вліяніе, повторяю, не шло глубоко, ограничиваясь больше внѣшностью, пріемами; шляхетскія понятія мало выходили за предѣлы судебныхъ манифестацій и репротестацій; основы быта были туземныя, и въ общемъ масса околичной шляхты стояла ближе къ туземному крестьянству, чѣмъ къ польскому шляхетству. Съ народною массою, какъ мы видѣли, роднили ее и языкъ, и вѣра, и обычаи. Въ отношеніи образованности, развитія, шляхта, вообще говоря, недалеко возвышалась надъ народнымъ уровнемъ. Въ большинствѣ шляхтичи были неграмотны и полуграмотны; даже среди намѣстниковъ околицъ попадаются неграмотные. Въ большомъ числѣ встрѣчающіеся процессы о чарахъ, „о заданьи чаровництвъ“ обнаруживаютъ весьма невысокій уровень развитія шляхтичей. А о значительной грубости нравовъ свидѣлствуютъ процессы о всякаго рода побояхъ, потасовкахъ, составляющіе въ суммѣ едва-ли не самый значительный процентъ среди тяжбъ; дѣла о потравахъ, захватахъ грунтовъ и т. п. обыкновенно кончались дракою. Непосредственная грубость околичнаго населенія еще усугублялась вліяніемъ шляхетской задорности и жолнерской страсти къ буйству. Болѣе воинственные шляхтичи, особенно подъ пьяную руку—*żytnim liqorem glowe zagrzawszy*, „находили“ на дома своихъ непріятелей, *cum vario armorum genere*, какъ описываетъ одинъ актъ: *z kijami, dragami, istykami y od wozów luszniami*¹⁾, и учиняли настоящія баталіи. Потасовки часто были очень жестоки и кончались иногда даже смертью одного изъ участниковъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣло обыкновенно пускались шляхетскія сабли. Нерѣдко встрѣчаются драки и между членами семействъ, особенно при вторыхъ и третьихъ бракахъ—которые были вообще весьма распространены. Любопытнымъ образчикомъ такихъ семейныхъ нравовъ является жалоба одной пани на своего третьяго мужа—Васильковскаго, что тотъ подпалъ вліянію шляхтича Родванскаго, который ему даетъ *ad omne nefas wszelką poradę*, между прочимъ внушаетъ,

¹⁾ Кн. № 5694, л. 72.

что Васильковский долженъ *bić żone swoje y w karności trzymać*, говоря, что самое вѣрное средство побудить жену къ почтенію—это переломать ей руки и ноги: *ęse, nogi ieу obuchem porzetręsaj, to dopiero rozpnasz jak cię ma żona szanować*. П. Васильковский, какъ видно, вполне раздѣлялъ такія воззрѣнія своего друга, но осуществить ихъ на практикѣ было затруднительно, такъ какъ его супруга имѣла свои собственные воззрѣнія на этотъ предметъ и вмѣстѣ съ дочерью и зятемъ очень стойко оберегала свой престижъ, какъ о томъ весьма жалобно повѣствуетъ манифестація п. Васильковского¹⁾.

Близко стояла къ крестьянской массѣ въ большинствѣ наша шляхта и въ экономическомъ отношеніи. Шляхтичи, исключая немногихъ болѣе богатыхъ, ничѣмъ не отличались отъ зажиточныхъ крестьянъ и, отстегнувъ свои шляхетскія сабли, очень непринужденно и съ успѣхомъ косили, орали и отправляли другія полевые работы. Далече не всѣ шляхтичи имѣли подданныхъ: часто нѣсколько семействъ, какъ выражается одинъ современный мешуаристъ, „на одномъ хлопѣ сидѣли“, (да и отношенія этихъ подданныхъ къ шляхтѣ должны были значительно отличаться отъ отношеній крѣпостнаго челоуѣка къ настоящему помѣщику—пану). По даннымъ переписи 1739 г., въ Радзеевской околицѣ на 48 шляхетскихъ хозяйствъ приходилось 102 подданныхъ, но это была одна изъ болѣе обильныхъ подданствомъ околицъ, а, напримѣръ, въ Волковинской околицѣ на 110 шляхетскихъ хозяйствъ приходилось всего 31 подданный, причемъ, напримѣръ, въ вуткѣ *Тыхновичей* на 20 шляхетскихъ хозяйствъ приходился всего 1 подданный, а въ вуткѣ *Суяковичей* на 17 шляхетскихъ хозяйствъ не было ни одного подданнаго. Наконецъ, въ дополненіе къ этому, я напому сказанное уже мною выше, что околичныи шляхтичъ, подобно старостинскому подданному, несъ на себѣ тягло, будучи обязанъ „лениками и услугами“ на замокъ, и подчиненъ былъ строгой опеке замковой „зверхности“.

Послѣ всего вышесказаннаго, я думаю, не покажется голословнымъ мое утвержденіе, что околичныи шляхтичъ гораздо

¹⁾ Кн. № 5689, л. 51, 53 об., 54.

ближе стоялъ въ туземной крестьянской массѣ, чѣмъ къ настоящимъ польскимъ дворянамъ, преисполненнымъ сознанія своихъ суверенныхъ правъ и привилегій и своего неизмѣримаго превосходства надъ „хлопствомъ“, какого мы обыкновенно представляемъ себѣ говоря о польской шляхтѣ. Естественно, что мы не находимъ у нашей околичной шляхты рѣзкаго отчужденія отъ крестьянства, напротивъ—мы видимъ подчасъ ихъ въ весьма тѣсномъ и непринужденномъ общеніи. Я упоминалъ уже выше, что смѣшанные браки между шляхтою и крестьянами и крестьянками далеко не составляли рѣдкости, что шляхтичи принимали крестьянъ „въ пріймы“. Шляхтичи охотно кумаются съ крестьянами; я пересмотрѣлъ метрическія записи о рожденіи Поповецкаго успенскаго прихода и поинтересовался подвести статистическіе итоги—результатъ получился весьма интересный: откинувши нѣкоторые сомнительные случаи и принявъ въ расчетъ неточности, происходящія отъ того, что мы не всегда досконально знаемъ сословную принадлежность того или другого лица, приблизительно получимъ на 100 случаевъ крестьянскихъ крестыбинъ (всего мною было пресмотрѣно ихъ до 750) около 50 такихъ случаевъ, когда всѣ кумы были крестьяне, и около 40 когда одинъ или оба воспріемника были шляхтичи. Встрѣчаются, хотя рѣже, случаи (всего около десятка), когда и у шляхтичей были воспріемниками селяне¹⁾. Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ документахъ не рѣдко указанія на то, что шляхтичи участвовали въ „весилляхъ“ крестьянъ, въ качествѣ гостей, сватовъ и т. п. Выше я приводилъ извѣстіе одного документа, что шляхтянки ходили „на музыку“ подъ корчму. Одна шляхтянка, нѣкая пани Претвусова, занося жалобу въ судъ, рассказываетъ, какъ она съ другой паніей—Холевинской (обѣ пани не принадлежали къ числу туземной шляхты) пріѣхали въ Лопатинцы и, зайдя къ пану *Reintъ Лопатинскому*, застали у него шляхтичей, и между ними находился працовитый Томашко зъ Биликовецъ, *który w szarpcе za brat z niemi siedział*. П. Холевинская была очень удивлена этимъ и спросила у п. Претвусовой,

¹⁾ Кв. № 5534 с. 2, 42, 64, 110, 129, 148, 165, 169—170, 180.

co. by to był za człek w kozuchu, co za pan brat w szarce z szlachta wraź siedzi, на что послѣдняя объяснила, że to iest chłor. По этому случаю вышло какое-то неудовольствіе; п. Претусова объясняетъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ, п. Возненко Лопатинскій, ошибкою принялъ слово хлопъ на свой счетъ; какъ бы то ни было, въ результатѣ упомянутая пани оказалась *ciężko zbita, tylko co z tym światem nie pożegnała* ¹⁾. Подобныхъ случаевъ, „панибратства шляхтичей съ крестьянами можно было бы привести не мало; какъ упоминалъ я выше шляхетскія понятія не проникали глубоко въ околичную среду и мало прилагались въ житейскомъ обиходѣ. Въ свою очередь и крестьяне не чувствовали особенно глубокаго почтенія къ шляхетскому достоинству и при случаѣ „мацали и окладали“, по выраженіямъ актовъ, шляхтичей кулаками или вѣями по ребрамъ такъ же исправно, какъ и людей *prostej kondusy*.

Стоя такъ близко къ народной массѣ, околичная шляхта, естественно, не могла оставаться вполнѣ равнодушною ко всему тому, что двигало этимъ народомъ въ бурные годы Южной Руси. Дѣйствительно, мы находимъ указанія и намеки, что околичная шляхта принимала участіе и въ козацкомъ движеніи, и въ гайдамацкихъ наѣздахъ. Но объ этомъ я предоставляю себѣ право поговорить въ другой разъ, а пока, подводя итогъ всему вышесказанному, мнѣ кажется я буду въ правѣ признать нашу околичную шляхту въ этнографическомъ смыслѣ южно-русскую.

М. Грушевскій.

¹⁾ Кн. № 5694, л. 28 об.